

Дмитрий Григорьев

Другой фотограф

НП «Центр современной литературы»

Григорьев Д. А.

Другой фотограф / Д. А. Григорьев — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-014-3

Дмитрий Григорьев родился в Ленинграде в 1960 году. Учился на химическом факультете Ленинградского государственного университета, где занимался исследованием феромонов насекомых. Работал бетонщиком, плотником, мозаичником, оформителем, аспирантом, старшим лаборантом, старшим лейтенантом (ликвидатором последствий аварии на ЧАЭС), журналистом, редактором (редактировал разное — от книг до глянцевого журналов), стекломоем, оператором газовой котельной и т. д. (в общей сложности более 20 профессий). Автор многих публикаций в толстых и тонких журналах, нескольких книг стихов и прозы, член Союза писателей СПб, Землемер Незримой Империи, президент и один из отцов-основателей «Всемирной Ассоциации Любящих Изабеллу» (ВАЛИ), лауреат премии имени Н. Заболоцкого и т. д.

ISBN 978-5-91627-014-3

© Григорьев Д. А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Об авторе	5
Тайна естественности	6
Часть 1	8
«Горят скелеты ёлок на помойках...»	9
«Кто сказал «ярка яранга огня»...»	10
«Говоришь, у тебя – жизнь...»	11
«Тигровые лилии я посадил...»	12
«На ветру колышется репейник...»	13
«Собаки лают наперебой...»	14
«...Смотрит в окно автобуса и спрашивает...»	15
Холодная осень	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Григорьев

Другой фотограф Книга стихотворений

Об авторе

Дмитрий Григорьев родился в Ленинграде в 1960 году.

Учился на химическом факультете Ленинградского государственного университета, где занимался исследованием феромонов насекомых.

Работал бетонщиком, плотником, мозаичником, оформителем, аспирантом, старшим лаборантом, старшим лейтенантом (ликвидатором последствий аварии на ЧАЭС), журналистом, редактором (редактировал разное – от книг до глянцевого журнала), стекломоем, оператором газовой котельной и т. д. (в общей сложности более 20 профессий).

Автор многих публикаций в толстых и тонких журналах, нескольких книг стихов и прозы, член Союза писателей СПб, Землемер Незримой Империи, президент и один из отцов-основателей «Всемирной Ассоциации Любящих Изабеллу» (ВАЛИ), лауреат премии имени Н. Заболоцкого и т. д.

Тайна естественности

Среди петербургских поэтов своего поколения Дмитрий Григорьев – в некотором смысле белая ворона. Создается впечатление, что очень многие стороны «общего» опыта не то чтобы обошли его стороной, но оказались для него ненужными или несущественными, что многие яды, впитавшиеся в кожу его сверстников, изменившие состав их крови и одних погубившие, других закалившие, на него просто не подействовали.

В восьмидесятые годы молодые ленинградские поэты – по крайней мере значительная их часть – ощущали крайнюю меру отчуждения от окружающего мира и языка. Это было связано и с особенностями эпохи, и с «духом места», с «излучениями города», какими они были тогда (а они меняются). Чувство сопротивления материала было слишком велико, и только крайним напряжением голоса, сдвигом зрения и речи можно было это сопротивление преодолеть и нащупать собственный канал получения и преобразования лирической энергии. (Разумеется, были и благополучные эпигоны, которые никакого сопротивления не ощущали, кроме разве что иногда цензурно-редакторского – но речь не о них.)

Но Григорьев, кажется, жил в другом воздухе, впитывал другие излучения. Он как будто остался на всю жизнь в году своего рождения, 1960-м, со свойственными раннему шестидесятичеству естественностью, открытостью, простодушным бесстрашием поэтического дыхания, только без обаятельной безвкусицы тех лет. Он кажется товарищем, к примеру, своего однофамильца Олега Григорьева, или Сергея Вольфа, или прозаиков Риды Грачева и Виктора Голявкина.

Образ в его стихах как будто сам рождается из движения фразы. Но эта естественность не отменяет ремесленной (в высоком смысле слова), даже несколько «старомодной» хватки. Дмитрий Григорьев строит стихи не как резчик по дереву, даже не как столяр – как плотник, сколачивающий из крупных досок простую и прочную конструкцию, которая, ко всеобщему удивлению, способна летать. И, собственно, поэтическое чудо в данном случае заключается в том, что переход в другой мир (мир, главное свойство которого – чудесная непредсказуемость) происходит там, где вроде и не должен происходить.

Этот мир сюрреалистичен, но это не сюрреалистичность, рожденная болезненным сном или удивленным взглядом чужестранца. Нет, это мир сказки, иногда грустной или даже жестокой, но соразмерной человеку и потому – в каком-то смысле – комфортной:

Собаки лают наперебой,
за деревьями небо с разорванной губой,
Илья-пророк рассыпает горох
и электричество вырубает по всей деревне.

Он едет мимо нашего дома
на телеге, полной застывших слёз,
он засеял уже всю дорогу
и нам целый мешок привёз.

Слово «комфорт» надо понимать правильно. Григорьев никогда не говорит ничего утешительного, но речь у него всегда идет о любви, радости, страхе, смерти, а не об одиночестве, тоске, пустоте, обесчеловечивании. И при том никаких излишней: чувство сразу же становится метафорой, картинкой, историей. А разве не в этом величайшее достоинство человека – в способности сделать свое чувство картинкой и историей? И еще: серьезное высказывание у Григорьева никогда не исключает улыбки, а улыбка – серьезности.

Что же до формальных особенностей его стихов, то как раз здесь и видна полная свобода от догматизма и предзаданности. Григорьев пишет иногда строфическим и рифмованным, иногда свободным стихом; но очень часто стихотворение, начавшееся как типичный верлибр определенного типа («ленинградского», восходящего к Геннадию Алексею и Сергею Кулле, основанного на синтаксических параллелизмах, часто содержащего ироническую наррацию), на ходу меняет «породу», прорастая рифмами. И это не производит впечатления небрежности или эклектики. Скорее, перед нами подобие джазовой импровизации.

Строки Григорьева задерживаются в сознании: «Танцуй, Саломея, чью голову ты попросишь, кому в серебре на красном лежать снегу...»; «Проехали Орехово, а дальше что, проехали с орехами, а что – куда...»; «Я гоню велосипед, мне десять лет, у меня есть настоящий деревянный пистолет...». Это свойство – не необходимый признак настоящей поэзии. Но достаточный. Настоящая поэзия бывает разной: порою, и очень часто, стихи требуют от читателя напряженных усилий, привыкания, преодоления инерции. Только такой ценой можно «войти в тайную комнату». Стихи Григорьева, напротив, открыты читателю, но и в них есть «тайные комнаты», отпирающиеся только перед любящим и внимательным взглядом. Хочется верить, что эта книга такой взгляд привлечет.

Валерий Шубинский

Часть 1

Имена снега

У меня небольшой выбор: всего три времени – прошлое, настоящее, будущее, ещё есть возможность использовать глаголы совершенного или несовершенного вида, плюс – инфинитив, сослагательное да повелительное наклонения. Вот, пожалуй, и всё. Впрочем, и словарный запас неполон – несмотря на обилие слов, вещей, требующих себе имени, становится больше. А тои наоборот: появляется новое слово – и тенью за ним предмет, действие или свойство.

И я стал придумывать разные имена снега, например:

мягкие пушистые беспорядочно суetyающиеся крупные снежинки, что прилипают на стекла и почти сразу становятся водой – снег перемен, Снех,
крупя, падающая с неба вертикальным или косым градом, порой голуби клюют её, путая с зернами, – снег обмана, Снек,
правильный морозный снег – мелкий, искристый, алмазная пыль из синего безоблачного неба, где крутится жёлтый солнечный диск – снег откровения, Сонег,
жёсткий выюжистый, проникающий за пазуху и в карманы, забивающий глаза и уши своими собственными белыми словами смерти, за которым не видно огня вдоль дороги а фары встречной машины кажутся больными глазами – снег бытия, Знег,
снег свежесвыпавший, спящий, рыхлый, из которого ничего не слепить, снег, делающий следы похожими друг на друга – снег потери, Хнег,
снег липкий, тяжёлый, пригодный и для снеговиков, и для снежков, и для снежных крепостей, снег, где можно прочесть отпечаток ладони как книгу, – снег памяти, Стнег,
твёрдый наст, поджаренный весенним солнцем, его острой коркой можно порезать руку, на нем можно прыгать и не проваливаться – снег стойкости, Снерг,
снег последний, городской, почерневший от сажи, умирающий, уползающий в тень ранеными белыми медведями, – снег ухода, Снелг,
и снег вечный – светящиеся горные вершины в фиолетовом небе, Снег.

«Горят скелеты ёлок на помойках...»

Горят скелеты ёлок на помойках,
зелёными иголками пронизан белый снег,
трещит огонь, и дым заглядывает в окна,
где спят медведями простые люди,

а непростые ходят вокруг ёлок,
бросая в пламя праздника следы,
и звёзды вылетают им навстречу,
и дым рисует райские сады.

«Кто сказал «ярка яранга огня»...»

Кто сказал «ярка яранга огня»,
кто спрятался среди белой тьмы,
маленький дом построила для меня
северная женщина посреди зимы,

звонят бубенцы – собак запрягай,
песней протяжной лети на край
этого мира, где птица пурга
в небе поёт про чукотский рай:

там наверху кончается лёд,
и звёзды на берег выносит прилив...
Но птица напрасно меня зовёт —
я и так живу на краю земли,

и её полёт – это мой пролет,
останется только перо в руке,
а песня её растает как мёд,
тягучий мёд на моем языке.

«Говоришь, у тебя – жизнь...»

Говоришь, у тебя – жизнь,
а у меня – мышь
ест под полом вчерашние крошки,
и я не зову кошку,

моя мышь шуршит и скребёт,
моя мышь все время грызёт,
и время от времени
я собираю эти огрызки времени:

в одном я раскладываю пасьянс,
который не может сойтись,
в другом – уже не моя,
а чья-то другая жизнь —

там слепая женщина вяжет паутину,
тонкие пальцы, капли-узелки,
дальше – то ли пепел,
то ли шерсть мышьяная
сыпется сквозь щели
лодочки-руки.

«Тигровые лилии я посадил...»

Тигровые лилии я посадил,
красно-чёрные лилии,
чёткие линии я проводил
по тёмной и влажной зелени,

но однажды мне принесла судьба
сухие листья – полный грузовик,
и сказала: «Дело твоё – табак,
ты понял, старик!

Дело твоё – зелёная труха,
она превратится в облако-дым,
и нечего стоять на краю стиха,
лучше – лететь с ним».

Но как мне оставить лилии,
чёрные точки, красные линии?

«На ветру колышется репейник...»

На ветру колышется репейник,
и подсолнух головой качает —
он не станет нашим новым солнцем
и умрет ещё до снегопада,

пыль садится на большие листья,
лепестки его – живое пламя,
сотни глаз его на небо смотрят,
а не на дорогу под ногами,

ну а мы шагаем по дороге,
шелуху от семечек бросая,
как слова пустые между нами,
и подсолнух головой качает.

«Собаки лают наперебой...»

Собаки лают наперебой,
за деревьями небо с разорванной губой,
Илья-пророк рассыпает горох
и электричество вырубает по всей деревне.

Он едет мимо нашего дома
на телеге, полной застывших слёз,
он засеял уже всю дорогу
и нам целый мешок привёз.

Молоко превращается в простоквашу,
дорога становится глиняной кашей,
мешок тяжёлый лежит у порога,
открывать его страшно...

«...Смотрит в окно автобуса и спрашивает...»

...Смотрит в окно автобуса и спрашивает:

– Кто эта женщина, что копается в огороде,
одетая в старое, как бомжиха?

*– Это мама моя, и она прекрасна,
из ласковых слов её платье,
из боли её башмаки.*

А он все смотрит сквозь лёд-стекло
на то, что уже утекло,
на забросанную жирной глиной
траву на обочине, доски забора:

– Кто эта женщина возле крыльца,
будто цветная пыльца кружится?

*– Это мама моя,
я приеду к ней скоро...*

Но руки водителя – птицы,
и нечем нажать на тормоз.

Холодная осень

1

Холодная осень.
Мокрые дрова разжигают
пачками черновиков.

2

Холодная осень.
Пеплом посыпаю головы
кустов клубники.

3

Холодная осень:
рябина, осина и красный клён —
вместо огня.

4

Холодная осень.
Каждое слово поднимается
белым облаком.

5

Холодная осень.
Утром алмазы в траве,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.